

К удивлению Ли Гуаньцзина, при виде Туаньфэн на лице Ду Фуюня не мелькнуло ни тени изумления. Он склонил голову, несколько мгновений разглядывал подвеску, а затем тихо произнёс:

— Так она оказалась у вас, господин Ли?

Ли Гуаньцзин, опасаясь недопонимания, поспешил объяснить:

— Мне её кто-то подарил! Она не моя, не отца и не матери!

— Да, я знаю, — ответил Ду Фуюнь. — Иначе я бы не привёл вас сюда и не рассказал бы столько.

Ли Гуаньцзин вспомнил про поместье Имэн и с опозданием спросил:

— Семья Ду тоже из Линьи?

Ду Фуюнь улыбнулся и кивнул.

— Так это вы послали тех людей! — Ли Гуаньцзин в досаде хлопнул себя по ладони. — А я-то даже исключил вас из числа подозреваемых! Выходит, это были вы! Но откуда вы узнали? У вас в моём доме есть соглядатай?!

Ду Фуюнь, видя, что Ли Гуаньцзин заносится слишком далеко, поспешил вернуть его к сути:

— Разве не вы сами пришли ко мне с расспросами?

В тот день на озере Даминху, когда принимали работы, Ли Гуаньцзин действительно заговаривал с Ду Фунем об этом. Он полагал, что вёл беседу искусно, но собеседник уже тогда всё раскусил. Припомнив это, Ли Гуаньцзин хлопнул себя по лбу:

— Неосмотрительно, крайне неосмотрительно! Хорошо ещё, что у вас не было дурных намерений, а то я бы сам себя сдал с потрохами и даже не заметил!

Последние слова слегка тронули Ду Фуюня. Он отвернулся, наклонился и вдавил Туаньфэн в неглубокую выемку. Послышался лёгкий щелчок, и в центре гладкого отполированного камня приподнялась плитка. Под ней оказалась нефритовая шкатулка. Ду Фуюнь снял плитку и с обратной стороны извлёк тончайшую иглу. Та отливала синевой — явный признак смертельного яда. Если бы кто-то попытался достать шкатулку, не сняв плитку, он неминуемо был бы уколот, и последствия оказались бы непредсказуемы.

Ли Гуаньцзин содрогнулся и невольно отступил на пару шагов.

Ду Фуюнь, заметив его движение, не оборачиваясь, спокойно извлёк шкатулку, затем вернул иглу на место и опустил плитку. Раздался ещё один щелчок, плитка встала на место, и камень вновь обрёл цельность. Ду Фуюнь снял Туаньфэн, протянул шкатулку Ли Гуаньцзину и сказал:

— Возьмите.

Ли Гуаньцзин принял шкатулку, но, только что увидев отравленную иглу, не решался её открыть.

Ду Фуюнь сделал два шага вперёд, снова нацепил нефритовую подвеску Ли Гуаньцзину на шею, заботливо поправил ему воротник и отступил назад.

— Пусть драгоценный камень хранит вас. Возвращаю его вам.

— Он вам больше не нужен?

Ду Фуюнь покачал головой.

— Я уже знаю, кто это.

Си Фэн несколько дней вёл слежку, но безрезультатно, а люди Ду Фуюня уже всё выяснили. Ли Гуаньцзин не мог не почувствовать лёгкую досаду.

Ду Фуюнь повернулся и направился к лодке.

— Пора. На этот раз нам действительно нужно идти.

Ли Гуаньцзин остался на месте и не удержался от вопроса:

— Если вы уже всё выяснили, зачем тогда рассказывать мне всё это?

— Сегодня вы проявили ко мне полную откровенность, господин Ли, и я, Ду, не смею вас обманывать. Тот, кто передал Гуаньфэн Нинеши, — нынешний князь Чжао, Ли Вэйян. — Ду Фуюнь сделал паузу, обернулся и взглянул на потрясённого Ли Гуаньцзина. Спокойно добавил:

— То есть жених вашего наставника. Теперь вы понимаете?

Шимо уже в третий раз заходила в комнату, но поза Ли Гуаньцзина оставалась точно такой же, как и полчаса назад. С тех пор как он сегодня утром проснулся, вызвал Си Фэна, отдал распоряжения, он так и сидел, уставившись на цинь «Мосян», невесть о чём думая.

Услышав звук входа, Ли Гуаньцзин поднял глаза и, увидев Шимо, вновь опустил веки.

— Си Фэн ещё не вернулся?

Шимо тихо ответила:

— Только что спрашивала в переднем дворе. Чэнь Кэ сказал, что Си Фэн возвращался, сменил лошадь и снова уехал. Говорил, что поедет за город, сегодня, наверное, не вернётся.

В глубине души Ли Гуаньцзин понимал, что так быстро результата не будет. Однако свадьба Линь Чэньи уже на носу, и в сердце у него было беспокойно. Но сейчас, очевидно, сухое ожидание тоже ни к чему не приведёт. Он поднялся.

— Пойду навещу второго юношу. Если Си Фэн вернётся, пусть ищет меня в его дворе.

Шимо согласилась.

Ли Гуаньцзин изначально планировал навестить Ли Чжаоина после вчерашнего дворцового пира, но неожиданно дал слово Ду Фуюню, вернулся уже поздно, да ещё и с переполненным мыслями сердцем — так и не собрался. Сейчас, когда дела не было, он решил проведать Ли Чжаоина и выяснить, что же случилось.

Утром в день Праздника середины осени вдовствующая княгиня вместе с матушкой Чэнь

отправилась на богослужение и до сих пор не вернулась, поэтому Ли Гуаньцзин без помех быстро добрался до двора Ли Чжаоина. Ворота были распахнуты настежь, у входа дремала служанка. Та очнулась, лишь когда Ли Гуаньцзин оказался прямо перед ней, и в панике вскочила, чтобы поприветствовать его. Ли Гуаньцзин велел ей доложить о своём приходе. Едва служанка переступила порог главного зала, как оттуда вышла Се Юньшу.

— Юньшу? — удивился Ли Гуаньцзин.

Се Юньшу тоже была удивлена. Она поспешно вытерла следы слёз на лице, опустила голову и сказала:

— Старший двоюродный брат.

— Ты это... — Ли Гуаньцзин хотел спросить, почему она плачет, но, начав фразу, осознал, что это неуместно.

Се Юньшу подхватила:

— Мне уже пора возвращаться. Двоюродный брат сегодня чувствует себя лучше, он внутри. Проходите, старший двоюродный брат.

— М-да, хорошо. — Ли Гуаньцзин проводил взглядом удаляющуюся Се Юньшу, развернулся и направился в покои.

Пока они разговаривали, Ли Чжаоин уже поднялся и вышел встречать его к двери. Ли Гуаньцзин, увидев его землистый цвет лица и бескровные губы, понял, что тот действительно болен, и поспешно сказал:

— Не выходи на ветер, иди обратно в комнату!

— Ничего страшного. Просто цвет лица неважный, а на самом деле уже гораздо лучше. — Хотя Ли Чжаоин так говорил, его гнусавый голос выдавал истинное положение дел.

Ли Гуаньцзин невольно нахмурился, полный раскаяния.

— Несколько дней назад мы вместе ужинали, а я совсем не заметил, что тебе нездоровится. Совсем невнимателен. К какому врачу обращался? Не приглашал ли главного императорского лекаря?

— Вчера вечером заходил отец, осмотрел меня и позвал главного лекаря. Сказали, что продуло, пропить несколько отваров — и через несколько дней пройдёт. — Ли Чжаоин улыбнулся. — Я и сам внезапно слёг, даже не сразу понял, что заболел, чего уж о старшем брате говорить? Жаль только, что пропустил возможность предстать перед Его Величеством — вот что действительно досадно.

Ли Чжаоин намеревался участвовать в специальных экзаменах, но не знал, когда именно императору потребуются таланты. Если бы он попал на дворцовый пир, возможно, сумел бы снискать монаршую благосклонность. Теперь же из-за несвоевременной простуды упустил шанс предстать перед императором. Ли Гуаньцзин, поставив себя на его место, тоже счёл это досадным. Но вместо того, чтобы горевать вместе, лучше смотреть вперёд, и он принялся утешать:

— Ты сейчас в Чанъане, возможностей предстать перед императором хоть и не много, но они

определённо будут. Не торопись. Сначала познакомься с остальными, завоюй их признание. С учётом отцовских связей обязательно найдутся те, кто замолвят за тебя словечко.

Ли Чжаоин кивнул.

— Старший брат прав. Я слышал, раньше каждый год в праздник Чунъян знатные юноши собирались компаниями и поднимались на гору в Хуачжоу. Думаю, это будет хороший шанс. Я обязательно поправлюсь и как следует подготавлиюсь к поездке.

Ли Гуаньцзин с одобрением ответил:

— Вот и отлично! Я тогда не буду в Чанъане, не смогу составить тебе компанию. Но перед отъездом поговорю с Цзыюй и остальными, так что ты точно будешь не один.

Настроение Ли Чжаоина явно улучшилось. Ли Гуаньцзин ещё немного расспросил его о самочувствии и, не желая мешать отдыху, откланялся. Обратная дорога пролегла мимо озера. Проходя мимо, Ли Гуаньцзин заметил Се Юньшу, стоящую на берегу. Осенний ветер обдувал её, развевая полы одежд. Ли Гуаньцзин почувствовал, что у озера ветер довольно силён, и, опасаясь, как бы не заболел ещё один, быстро подошёл.

— Юньшу, здесь ветрено, остерегайся простудиться.

Се Юньшу обернулась, слабо улыбнулась и сказала:

— Я не собиралась стоять здесь долго. Просто ждала вас, старший двоюродный брат.

Ли Гуаньцзин удивился.

— Что такое? Какие-то трудности?

Се Юньшу покачала головой.

— Нет. Я хотела попросить вас познакомить меня с одним человеком.

— Хм. — В голове у Ли Гуаньцзина мгновенно всплыл образ Лан Сыюй. Неужели Се Юньшу собирается открыто заявить о своих правах?

— С тем молодым господином Чай, что был на пиру несколько дней назад.

— А? — Ли Гуаньцзин чуть не лишился дара речи от изумления. — Зачем тебе его видеть?

Се Юньшу ответила:

— У меня есть причина, по которой я должна с ним встретиться. И я точно не причиню молодому господину Чай вреда. Более того, возможно, даже смогу ему помочь.

Ли Гуаньцзин, видя её уверенность, на мгновение потерял дар речи.